

Пролог

Мое прошлое хранит много такого, к чему трудно возвращаться; я до сих пор плачу, когда вспоминаю обо всем, что со мной делали и что мне говорили. Воспоминания не утешают меня, не служат мне убежищем; они — проклятье.

Мать была для меня всем, и на протяжении детских лет я упрямо старалась не давать ей повода не считать меня самой почтительной, самой послушной и трудолюбивой дочерью, а только такой. Той, кого не стыдно называть своей дочерью, кто заслуживает заботы и ласки. Дочерью, достойной ее любви.

Несколько лет назад, когда я все-таки рассказала одной женщине о своем прошлом, собеседница, придя в себя от шока, сказала: «Тебя, должно быть, удочерили. Другой причины просто не может быть: родная мать не может так обращаться с собственной дочерью. Почему бы нам не разыскать твою карточку в регистре социальных служб? Мы узнаем, кто твоя настоящая мать и, может быть, что-то еще о твоём происхождении».

Это казалось таким простым, таким правильным. Конечно же, именно так, скорее всего, и случилось; почему же я раньше об этом не подумала? Это ответ на все мои вопросы, логичное объяснение всему. Я с энтузиазмом подхватила идею, и несколько недель спу-

стоя в одном из многочисленных кабинетов, в которых нам с той моей собеседницей пришлось побывать, я со слезами на глазах просматривала карточку, которую мне только что вручили. Нет, меня не удочеряли, социальные службы предложили мне приют, когда у моей семьи возникли трудности, а через несколько лет, когда мои родные выразили готовность принять меня, вернули. Я так хотела радоваться своему детству и надеялась, что, узнав правду, смогу в каком-то смысле вернуть себе те годы! Вместо этого у меня возникло чувство, будто меня ограбило мое же прошлое. Моя мать избивала меня, собственную плоть и кровь, всем, что под руку попадет, обманом увезла из дому, насильно выдала замуж, запугивала, игнорировала, унижала и, самое страшное, оказалась не способной любить меня. Я могла справиться почти со всем, но только не с этим: я была маленькой девочкой и нуждалась в том, чего они не желали мне дать. Я заслуживала любви.

Меня отобрали у отца и отдали в детский дом, когда мне было шесть месяцев. Мать заболела после того, как родила меня, и вернулась в Пакистан вместе с моими братьями и сестрами. Но я не знаю, почему меня оставили в Англии и почему отец не улетел вместе с матерью. Меня забрали из отцовского дома, потому что соседи и днем и ночью слышали мой плач. Отец, как я прочитала в карточке, страдал психическим расстройством и считался не способным самостоятельно ухаживать за младенцем. Когда мать вместе со всей семьей вернулась из Пакистана, я продолжала находиться на содержании у государства.

Жизнь в детском доме была лучшим периодом моего детства; то были счастливые дни, и подобных ощущений мне не суждено было испытать, пока я не стала взрослой.

Мои воспоминания о детском доме весьма отрывочны; если жизненный уклад еще смутно припоминается, то о людях, которые меня окружали, и о самом этом месте я мало что могу сказать. Дни и недели сливаются в размытое пятно; помню, как сменялись времена года — холод и снег зимой, жара и яркое солнце летом, — и только. Иногда картины из прошлого внезапно всплывают в памяти. Однажды вечером я читала, и вдруг мое сознание перенеслось

в то время, когда этот рассказ мне читал кто-то другой, — голос этого человека звучал у меня в ушах, произносятся слова еще до того, как взгляд успева­ет пробежать по строчке. Поскольку никто из родственников не читал мне вслух, когда я стала жить вместе с ними, то голос этот, наверное, принадлежал тетушке Пегги, женщине, которая заботилась обо мне в детском доме.

Самое яркое воспоминание об этом учреждении — это когда на Рождество мне подарили куклу Синди. Мне было шесть лет, и я находилась в большой гостиной вместе с еще пятью или шестью детьми и сложенными в кучу подарками. Мы с нарастающим радостным волнением ждали, когда же нам вручат эти волшебные свертки. Мне досталась первая коробка, обернутая красной блестящей бумагой, — Синди. Жгучая радость захлестнула меня, когда я раскрыла коробку. Я любила эту куклу, но когда покинула детский дом, чтобы жить с семьей, не забрала ее с собой. Думаю, мне запомнилось то Рождество, потому что позднее мне очень не хватало моей куклы.

В детском доме я никогда не ощущала недостатка любви. Тетушка Пегги, маленькая полнощекая леди с круглым лицом и дружеским взглядом, которая пахла мылом, цветами и теплым хлебом, дарила мне свою любовь. У нее была короткая стрижка; зимой она покрывала волосы шарфом, но непослушные пряди все же выбивались из-под него, и их теребил резкий ветер, дувший со стороны лесопарка Кэннок Чейз.

О прогулках, или, скорее, пробежках по Кэннок Чейз я тоже помню очень хорошо. В детском доме жил большой черный лабрадор, Джет, и он ходил с нами гулять в Чейз; бегая повсюду за птичками, брошенными палками или просто так, он быстро возвращался, а у нас головы кружились от веселья. Я любила зарываться лицом в густую шерсть на загривке у Джета и гладить его по лоснящейся голове.

В самом доме я помню только столовую, где мы ели, кухню, большую гостиную, где мы смотрели телевизор, и свою спальню. В кухне я помогала печь пирожные, а потом сидела за длинным

